

УДК 811.161.3'373(091)

**Состав и функции антропонимов
в «Рэстры путных баяр Полацкага ваяводства 1585 г.»**

Ключевые слова: *антропонимы, старобелорусский язык, реестр, путные бояре, Полоцк.*

В статье анализируются состав и функции антропонимов, зафиксированных в памятнике деловой письменности старобелорусского языка «Рэстры путных баяр Полацкага ваяводства 1585 г.», устанавливается количество имен собственных, определяется их структура, способы образования, степень адаптации христианских имен на восточнославянской почве.

A.A. Derunova
Minsk State Linguistic University

**The composition and functions of anthroponyms
in the «Register of worthy bayars of Polatsk vaivodstva of 1585»**

Key words: *anthroponyms, Old Belarusian language, register, worthy boyars, Polotsk.*

The article analyzes the composition and functions of anthroponyms, recorded in the monument of business writing of the Old Belarusian language "Register of worthy bayars of Polatsk vaivodstva" of 1585, establishes the number of proper names, determines their structure, methods of formation, the degree of adaptation of Christian names on East Slavic soil.

«Рэстр путных бояр Полоцкого воеводства 1585 г.» как исторический источник был опубликован в 2009 году историком В.А. Ворониным [3]. Этот документ следует отнести к числу памятников старобелорусской деловой письменности, то есть к тому периоду языковой эволюции, когда восточнославянские языки существовали уже как самостоятельные. Реестр – это список, перечень, роспись [5, вып. 21, 133], достаточно простой документ, в котором ведется только пересчет людей, земель или недвижимости. В названии документа присутствует двусловное наименование *путные бояре*. Это название определенной социальной группы было известно еще в XIV веке и называло бояр, имеющих в своем управлении какую-либо территорию и получавших с нее доходы [5, вып. 21, 63]. Следовательно, реестр путных бояр должен был содержать перечень таких людей Полоцкого воеводства. Именно поэтому названный памятник письменности дает материал для лингвистических исследований по истории формирования белорусских имен, фамилий и прозвищ, т.к. в нем представлен поименный перечень определенной социальной группы людей на определенной территории и в определенное время.

В предисловии к изданию с исторической точки зрения уточняется понимание наименование *путные бояре*. Автор указывает, что это военные слуги, категория крестьянства, которая выполняла военные обязанности. Эта социальная группа занимала промежуточное положение в белорусском обществе во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, но была достаточно многочисленной и играла в некоторых регионах (на приграничных территориях) заметную роль [3, 5–6].

В реестре в основном приводится перечень путных бояр, но упоминаются в нем и другие крестьяне, которые давно живут на этих землях или пришли в эти земли недавно. Это связано с высокой мобильностью населения в этом приграничном районе, особенно в военное время [3, 12].

Как указывает Н.В. Бирилло, белорусская антропонимическая система формировалась в период XV–XVIII вв. на основе антропонимической системы, сложившейся в процессе общей восточнославянской письменной практики. В этом отношении XVI в. (время составления исследуемого реестра) особенно интересен, т.к. это период бурного развития деловой письменности, когда в деловую письменность проникают новые формы именования лица из разговорно-бытовой сферы, часто они были региональными средствами именования [2, 5].

В реестре зафиксировано 280 имен собственных. В основном в данный список внесены мужские имена, т.к. это перечень лиц, находящихся на военной службе. Женское имя в реестре зафиксировано только одно *Оксиня Корниловна Ивановна вдова жона Маслова*. В тексте дается пояснение, на каком основании она включена в перечень: вдова жона Маслова. Одно имя зафиксировано как *Устиня Брузлиха*, однако составителями дается пометка, что можно читать как *Устиниян*.

По структуре антропонимы представляют собой двухкомпонентные единицы, построенные по определенным моделям. Всего в реестре находим 261 единицу (94%) из 278 мужских имен. В двусловных названиях на первом месте находится личное имя, а на втором – компонент, который может характеризовать человека по какому-либо признаку. Чаще всего в исследуемом материале таким признаком выступало имя отца.

Среди всех двусловных компонентов наиболее многочисленной является группа наименований (133 единицы), в которой вторым компонентом является патронимическое имя на **-ович**, (**-евич**): *Яков Михалковичъ, Левон Пилипович, Панфило Гридковичъ, Самсон Тарасович, Хома Григоревичъ, Васко Никипорович, Роман Агришанович, Яков Федотовичъ, Микита Иванович, Сава Андреевичъ, Захаря Игнатовичъ, Гаврило Михалковичъ* и др. Вторым компонентом в составе этих наименований является отчеством, а не фамилией [2, 288]. Образованы патронимы в основном от личного имени отца, но нам встретилось несколько наименований, которые образованы от имени-прозвища отца: *Левон Волкович, Тарас Гвоздович, Осташко Горелковичъ, Лукьянъ Мишковичъ, Исакъ Цыгановичъ*.

Указанные патронимы употреблялись у белорусов при назывании всех социальных групп [4, 18]. В реестре находим этому подтверждение в виде приписок к имени: *Микипор Корниловичъ, старец; Самсон Тарасович, мужикъ их; ... принели оселост чоловеков 3, люди прихожие, порубежцы, меновите ... Овдоким Гаврилович*.

Второй по численности является группа антропонимов на **-ов (-ев)** (67): *Улас Гарасимов, Петрушка Данильев, Манко Еремеев, Игнат Оверков, Ермоль Риковъ, Яким Трепачов, Иван Андреев, Данило Тимошков, Артемъ Данилковъ, Остапко Семеновъ, Иван Максимов* и др. К этой же группе присоединяется группа антропонимов на **-ин** (14): *Ходор Микулин, Созон Микулин, Борис Минин, Осташко Микитин, Янко Литвин, Якубка Литвин, Исакъ Сквородин, Михалко Захаринъ, Ян Литвин, Гаврило Максютин* и др., т.к. они образуют вместе с патронимами с суффиксами **-ов (-ев)** однотипные слова от аналогичных основ, выбор форманта в которых зависит от конечного элемента основы [4, 18]. Такие патронимы могли образовываться не только от имени отца, но и от имени-прозвища, образованного от слов из разных семантических групп: *Яков Бобров, Овсеи Доцарев, Контратъ Кохоновъ, Нестер Пастухов, Дмитръ Жолудов, Петръ Трухоновъ, Яким Трепачов*.

Третью группу составляют антропонимы, в которых вторым компонентом образован от имен-прозвищ (29): *Васко Весна, Семен Болох, Иван Пригара, Кузма Шольга, Андреи*

Потапъ, Иван Болбека, Яков Летун, Иван Поповка, Микита Москал, Пилимон Решетник, Васко Лисица, Янь Лопот, Михалко Пуга, Ермол Болдыш, Гарасим Борода, Сидор Ландикъ, Ходор Хмел и др. Прозвища, которые получали восточные славяне, разнообразны по своему составу, происхождению. Прозвище призвано было выразить ту особенность поименованного, которая оказывалась социально значимой. Так, часть прозвищ могла указывать на внешность (*Борода*), происхождение (*Москал*), особенности характера (*Лисица, Кошка, Летун*), время рождения (*Весна*), ремесло (*Решетник, Лопот, Горончар, Пуга*) т.п.

Показательно, что в реестре среди зафиксированных имен присутствует только одно имя с патронимом на -ский: *Якуб Висковский*. Первоначально носителями таких имен были представители дворянства, которые получали свои имена по названиям княжеств и земельных наделов. Затем они широко распространились среди всех слоев населения. Такие названия могут указывать и на конкретный населенный пункт, из которого походит человек, и на общую характеристику носителей рода [4, 19]. Среди представителей путных бояр, крестьянства, носителей таких антропонимов практически не наблюдается.

Зафиксированы также и нерегулярные патронимы на -ец: *Курило Гусинец, Тимофеи Гусинец, Кондратъ Кожинец*; на -ко: *Ермоль Деревко, Марко Малышко, Лазар Терешко*; на -енок: *Микула Шевеленок*.

Трехкомпонентные имена составляют всего лишь 6% (18 имен): *Сопрон Иванович Зябка, Олексэи Василевич Зябка, Дмитръ Гарасимович Грудина, Мартин Овсяников Михнович, Созон Алексеевичъ Красный, Семен Павловичъ Шатер, Иван Опанасов Зеновев, Семен Андреевич Сатана, Ходор Андреевич Моско, Ониско Ивановичъ Чагадаи, Павлюк Оверков Быкович, Охромей Матеевич Дуброва, Ониско Прокопович Сивоха, Гридко Данильев Голтяевъ, Семен Игнатович Козел, Иван Матфеевич Зябка, Максим Парфилович Москал, Олексеи Мартинович Житников*. В таких наименованиях на первом месте находится собственное имя, на втором – патроним, на третьем – патроним или имя-прозвище.

Большинство антропонимов, зафиксированных в реестре, кроме имени как такового, чаще всего призваны передать наименование, которое отвечает на вопрос *чей*. Это значит, что значительная часть старобелорусских, а затем и просто белорусских фамилий возникали как притяжательные прилагательные. В некоторых примерах еще отражается происхождение таких фамилий: *Ходор Микулин сын, Игнат Володин сын, Ходор Курилов сын* и др.

Попытаемся проанализировать состав зафиксированных в реестре имен собственных. Значительную часть из них составляют имена, которые можно назвать каноническими, т.е. максимально приближенными по виду к тем, которые пришли к восточным славянам вместе с введением христианства. Это *Андреи, Борис, Иван, Максим, Матфеи, Мартин, Мина, Моусей, Павел, Петръ, Семен, Степан, Тимофей, Харитон* и др.

Состав имен собственных показывает, что часть из них употреблены в вариантах, переживших звуковую и грамматическую адаптацию на восточнославянской почве. Это значит, что в именах появлялись свойственные старобелорусскому языку звуки (например, *Пилимон* вместо *Филимон*, *Ходор* вместо *Федор*, *Улас* вместо *Влас*, *Никипор* вместо *Никифор*), а также то, что возникали «местные» варианты имен (например, *Марко* вместо *Марк*, *Гаврило* вместо *Гавриил*), которые появлялись в результате более значительных изменений в структуре имени в процессе их бытования в народе. Именно поэтому в памятниках письменности встречаются вместе с официально-юридическими формами имени и их региональные и орфографические варианты, которые проникали в официальную сферу из разговорно-бытовой [1, 13–14]. В реестре выделяется группа имен, в которых произошли фонетические изменения: *Гарасим* (*Герасим* традиционно-церковная форма), *Лазар* (*Лазарь*), *Левон* (*Леон*), *Лукаянъ* (*Лукиан*), *Микита* (*Никита*), *Пилимон* (*Филимон*), *Овдоким* (*Евдоким*), *Олексеи* (*Алексей*), *Пилип* (*Филип*), *Радивон* (*Радион*), *Сава* (*Савва*), *Самсон* (*Сампсон*), *Созон* (*Созонт*), *Сопрон* (*Софрон*), *Ходор* (*Феодор*), *Хлор* (*Флор*), *Хома* (*Фома*). В части имен произошли фонетико-морфемные изменения,

которые привели к изменению структуры имени: отпадение конечного -ий/ -й в именах греческого и латинского происхождения (*Прокон (Проконий), Тарас (Тарасий), Опанас (Афанасий), Дмитръ (Дмитрий), Антон (Антоний) Ермол (Ермолай), Артем (Артемий), Исак (Исакий), Игнат (Игнатий)*); отпадение -ия (*Малах (Малахия) Ананя (Анания)*); добавление конечного -о/-а (*Марко (Марк), Гаврило (Гавриил), Данило (Даниил), Мануило (Мануил)*).

Некоторые имена получили несколько изменений и стали сильно отличаться от исходных традиционных церковных вариантов: *Авлас (Авласий), Ермакъ (Ермолай), Демешко (Дамиан), Дорошко (Дорофей), Кузма (Косма), Манко (Мануил), Мелех (Емельян), Нефед (Мефодий), Овсеи (Евсевий), Олехно (Александр), Отрохим (Трофим), Охромей (Ефрем), Панфило, Ходос (Феодосий)*.

В реестре, несмотря на то, что это официальный документ, зафиксировано много имен в эмоционально-оценочной или уменьшительной форме: *Васко, Дашко, Иванко, Ивашко, Иванушак, Павлюк, Михалко, Манушко, Осташко, Ониско, Степанко, Тимошко, Тишко, Хролко, Федко, Фешко, Якушко, Юрка, Янко, Яшко*. Они составляют 22% от всех зафиксированных имен.

Представлены в данном памятнике старобелорусской письменности и имена из католического календаря: *Ян, Якуб, Яков*. Всего 5 % от общего количества имен.

В именнике путных бояр сохранились и имена-прозвища, которые восходят к дохристианским славянским временам: *Вакула, Карка, Карпъ, Коско, Ложко, Курило, Орешко, Овсянко, Сахар*. Однако в общем количестве имен их процент не велик (4%).

Как видно из приведенных примеров, имен, подвергшихся изменению, значительное количество. Если включать в этот список имена, употребленные в эмоционально-оценочной и уменьшительной форме, то их общее количество составляет 77% от всего именника. Имена, которые употребляются в своей канонической форме, составляют 22%. Можем сделать вывод, что к XVI в. христианские имена широко использовались среди славянского населения не только в своей канонической форме, но и в ассимилированной, приобретшей фонетические, орфографические, морфологические черты старобелорусского языка, тем самым став более привычными для славян.

Таким образом, зафиксированные в Реестре путных бояр антропонимы разнообразны по своему составу и виду. Среди путных бояр Полоцкого воеводства были распространены двусловные наименования лица, в которых первым компонентом выступало собственное имя, а вторым – патроним. 48%, 24% и 5% составляют патронимы с формантами -ович (-евич), -ов (-ев), -ин. 10% – патронимы, образованные от имени-прозвища. Двусловные наименования в реестре использовались для наиболее полной идентификации личности, т.к. арсенал однословных личных имен был ограничен. Другими словами, антропонимикон старобелорусского языка полоцкого региона, если судить по составу и виду его единиц, однозначно двигался по тому пути, который привел белорусов к современному именованию человека.

Литература

1. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 326 с.
2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія: Прозвішчы, утвораныя ад апеятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – 508 с.
3. Варонін, В.А. Рэестр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года / В.А. Варонін. – Мінск: РІВШ, 2009. – 50 с.
4. Мезенка, Г.М. Беларуская антрапанімія: вуч. дап. / Г.М. Мезенка, Г.М. Дзеравяга, В.М. Ляшкewіч, Г.К. Семьянкова. – 2009 г. – 238 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т русс. яз. им. В.В. Виноградова / гл. ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1975 – 2002. – 26 вып.